

Перспективы разработки синтетической концепции истины

© Н.Н. Губанов¹, Н.И. Губанов², Л.Г. Черемных², Е.С. Шорикова²

¹ МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

² Тюменский государственный медицинский университет, Тюмень, 625023, Россия

Рассмотрены корреспондентская, когерентная, конвенционалистская, прагматистская, инструменталистская, консенсуалистская, интуитивистская, эмпиристская, психологистская концепции истины. Цель статьи заключается в обосновании гипотезы о возможности синтеза рациональных моментов отмеченных концепций и создания универсальной (общей) теории истины. Ядром общей теории истины может стать концепция корреспонденции в связи с тем, что только она раскрывает сущность истины как знания, соответствующего действительности. Остальные концепции отражают с разной степенью адекватности различные характеристики истинного знания, условия его достижения, обоснования, принятия научным сообществом, функционирования, использования, а также в некоторых случаях отождествляют сущность истины с ее критерием. Выделены 5 критериев истины: эмпирическое подтверждение, базирующееся на статистически достоверном наблюдении (ведущий критерий), логическая доказуемость, эвристичность гипотез, простота, красота. В статье используется методология гносеологического (конструктивного) реализма, основанная на признании принципиальной познаваемости любых сущностей.

Ключевые слова: истина, парадоксальная самореференция, концепции истины, универсальная концепция истины, критерии истины, эмпирическое подтверждение

Истина всегда была одной из важнейших категорий философии. Пифагор, которому приписывается введение термина «философия», еще в VI в. до н.э. утверждал: «...Иные... рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы — до единой только истины» [1, с. 15]. В 1928 г. один из виднейших ученых XX в. Г. Рейхенбах писал: «Важнейшей целью научной философии можно считать установление понятия объективной истины в качестве высшего критерия философского познания» [2, с. 17]. Таким образом, более двух с половиной тысячелетий философия была нацелена на постижение истины. А в настоящее время существование категории истины проблематизируется: некоторых философов «жадными» до истины уже нельзя назвать, поскольку у них наблюдается тенденция отказа от этой категории. Непроизвольно напрашивается вопрос: а к чему же, если не к истине, в своих рассуждениях стремятся сами авторы, отрицающие существование истины?

Отказ от категории истины проявляется в различной степени. А.В. Павлов пишет: «Истина гуманитарной науки... имеет творче-

ский... исторически и регионально меняющийся характер и нередко обозначается более слабыми понятиями *достоверности, правды и правдоподобия* [3, с. 233]. Но в чем их отличие от истины, он не объясняет. В.М. Пивоев отмечает: «Для естественного и технического знания важной характеристикой является истинность, но в сфере социальных и гуманитарных наук, в связи с присутствием субъективных интересов индивидов и масс, категория “истинности” не вполне применима, поскольку приобретает субъективно-оценочный подтекст, здесь уместнее использовать категорию “достоверности”» [4, с. 99]. В чем заключается достоверность, автор не сообщает.

Имеется также кардинальная позиция. Она состоит в признании того, что категория истины потеряла свое значение и должна быть устранена как из философского, так и из научного знания, вообще из культуры. Эту позицию разделяют философы-постмодернисты Р. Рорти, Ж. Деррида и другие [5], а также некоторые российские авторы. В журнале «Эпистемология & Философия науки» была проведена панельная дискуссия. Ведущим положением ее было обоснование необходимости смены в науке категории истины категорией смысла. Эта позиция была характерна для Л.А. Марковой, А.П. Огурцова, Ю.С. Моркиной [6]. Л.А. Маркова полагает, что вместо категории истины в науке должна использоваться категория смысла. Она утверждает: «Нечеткость границы между классикой — неклассикой, истинной — ложью, субъектом — предметом приводит к понятию смысл, который присутствует в каждой из сторон противостояния» [6, с. 53]. По мнению А.П. Огурцова, «вместо понятия “истина” теорию науки можно построить на основе понятия “правдоподобность научных теорий”» [6, с. 66]. И только единственный из участников дискуссии, А.Л. Никифоров, не согласился с попытками устранения из науки категории истины и отметил: «...Понятие смысла настолько неопределенно и расплывчато, что его использование для характеристики науки ничего не проясняет» [6, с. 62].

По мнению Д.А. Гусева, ученые вообще стремятся не к истине. Он полагает, что наука, «несмотря на сциентистские утверждения и ожидания, не добывает истины, выясняя, как все устроено “на самом деле”, а всего лишь строит различные интерпретации мира, человека и общества, которые могут не иметь к самой реальности не только прямого, но и вообще какого-либо отношения... наука строит различные интерпретации действительности, а не ищет истины» [7, с. 68]. Приведенное положение внутренне противоречиво: утверждение Д.А. Гусева о том, что интерпретации не имеют к реальности отношения, предполагает, что этот автор знает, какова реальность. А ведь это знание и есть истина, т. е. он скрытно признает существование истины и обладает ею, раз может сравнить ее с интерпретациями и обнаружить их несовпадение.

Подводя итог приведенного обзора взглядов Марковой, Огурцова, Моркиной, Гусева, можно сделать вывод, что как философия, так и наука не нуждаются в категории истины. Однако ученые, представители частных наук, никогда и ни за что не согласятся с такой позицией: зачем исследовать важные для людей объекты, если исследование не даст ответа на вопрос о том, что эти объекты из себя представляют, в чем их сущность. Ученые как веками искали, так и будут искать истину, и никакие философы науки их от этого не отвратят, иначе их искания утратят смысл. Недаром издревле ученых называли рыцарями истины.

Взгляды Ж. Дерриды и приведенных выше авторов, не признающих необходимость категории истины, порождают ситуацию парадоксальной самореференции — необходимости отнесения собственных ключевых положений к своему учению. Если деконструкция приводит к разрушению всех классических категорий, в том числе и категории истины, то Деррида и его единомышленники должны объяснить, полагают ли они, что обосновываемые ими положения истинны. Если их ответ утвердительный, то он логически непоследователен, поскольку раньше они утверждали, что истина отсутствует. Если же их ответ отрицательный, т. е. признается, что их положения неистинны, то трудно всерьез принимать их ключевые положения. Таким образом, последовательное проведение положений постмодернизма вызывает их самоликвидацию: если истина вообще не существует, то утверждения постмодернистов тоже к истине не относятся. Решения этого парадокса нет ни у западных, ни у российских постмодернистов.

Авторы настоящей статьи солидарны с Ф.А. Селивановым [8], Г.Д. Левиным [9], С.А. Лебедевым [10] и другими авторами в том, что категория истины и сегодня — центральная категория гносеологии и важнейшее, незаменимое понятие науки. С.А. Лебедев, глубоко изучивший проблему научной истины, выделяет следующие ее теории:

- корреспондентскую (аристотелевскую) — истина есть соответствие содержания знания об объекте самому объекту;
- когерентную — истина есть логическое соответствие некоторого высказывания другим высказываниям, принятым за истинные;
- конвенционалистскую — истина является условным соглашением об адекватности некоторого высказывания своему предмету;
- прагматистскую — истина есть концепция, приносящая пользу, успех в делах;
- инструменталистскую — истина как знание, представляющее собой описание совокупности операций, ведущих к достижению цели или решению задачи;

- консенсуалистскую — истина есть результат длительных когнитивных коммуникаций по достижению консенсуса среди членов научного сообщества о признании знаний в качестве истинных;
- интуитивистскую — истина как интуитивно очевидное знание, не нуждающееся в эмпирическом обосновании или доказательстве;
- эмпиристскую — истина есть или фиксация наблюдения, или знание, следствия которого подтверждаются наблюдением и экспериментом;
- психологистскую — истина как знание, в адекватность которого ученые верят [11, с. 8, 9].

С.А. Лебедев справедливо полагает, что «главной объективной причиной неоднозначности решения проблемы истины... является качественное разнообразие различных видов научного знания» [11, с. 7]. По его мнению, «каждая из... концепций отражает... некоторый реальный аспект бытия реальной науки и процесса научного познания... Однако... у каждой из них есть и один достаточно серьезный изъян. Это их претензия на универсальность и необходимость» [11, с. 9]. Возможно ли создание универсальной, общей теории истины? Думается, что да. Наличие качественного разнообразия познавательных процессов и необходимость их постижения — это не какая-то уникальная, а типичная когнитивная ситуация, обусловленная диалектикой единичного и общего. Во всех сферах познание движется от знания единичного к знанию общего. Например, существует много энергетических процессов, но имеется общее понятие энергии. Врачи имеют дело с множеством заболеваний, но существует общее понятие болезни. И так везде и повсюду. Поэтому возможно и общее понимание истины. В противном случае мы бы перешли на позиции гносеологического номинализма: отдельные познавательные процессы есть, а общего понятия истины быть не может. По-видимому, общая теория истины еще не создана из-за чрезвычайной сложности и многообразия когнитивных процессов.

Какой же может быть эта общая, или универсальная, теория истины? Гипотеза заключается в следующем. Ядром общей теории истины может стать концепция корреспонденции в связи с тем, что только она раскрывает сущность истинного знания. По словам Декарта, четко и наиболее кратко сформулировавшего главную идею теории корреспонденции, «истина... означает соответствие мысли предмету» [12, с. 604]. Остальные концепции отражают с разной степенью адекватности различные характеристики истинного знания, условия его достижения, обоснования, принятия научным сообществом, функционирования, использования, а также в некоторых случаях отождествляют сущность истины с ее критерием.

Философия производит рефлекссию над всем человеческим опытом, включая в него повседневность, политическую, экономическую

и культурную жизнь. В бытовых разговорах людей без высшего образования, разговорах ученых, деятелей искусства, политиков, шоуменов, даже в детских разговорах слово «истина», заменяемое временами словом «правда», всегда обозначает истину о каком-то предмете, о какой-то реальности.

Истинное знание обязательно предполагает сведения об определенной внешней по отношению к ней действительности. Знание, ограниченное само в себе, не относящееся к действительности, обладать истинностью не может. В связи с этим авторы настоящей статьи считают, что только теория корреспонденции раскрывает сущность истины. *Истинное знание всегда есть знание об определенном предмете*, а не просто знание. Если отсутствует соотнесенность с предметом, то категория истины смыслом не обладает. Истины беспредметной, истинного знания ни о чем не существует. Как справедливо отмечает В.В. Ильин, «познание бывает либо предметным, либо никаким» [13, с. 93].

Внимательное рассмотрение разных областей культуры приводит к выводу о том, что истина присуща всем наукам — естественным, техническим, математическим, гуманитарным, социальным, философским. Существует также истина художественная, присущая реалистическим произведениям искусства. Разве Лермонтов, Пушкин, Толстой, Достоевский, Шекспир, Данте, Гете, Гейне, Бальзак, Абай, Шота Руставелли, Фирдоуси не дали нам истинных произведений?

Существует и нравственная истина, основанная на критериях добра и зла. Например, действия киевских властей сейчас в отношении народа Донбасса — несомненное зло, так как Киев уничтожает граждан, которые не желают подчиниться фашистской хунте. И повсюду истина представлена соответствием знания своему предмету, т. е. части действительности, с которой познающий человек взаимодействует. В философских и социально-гуманитарных науках истина, предметы и объекты познания обладают особенностями. Они имеют более выраженную, чем объекты естественных наук, степень уникальности, очень сложны и изменчивы, включают в себя субъективную реальность, которая не обладает физическими свойствами. Но эти особенности можно учитывать, не прибегая при этом к отказу от трактовки истинного знания как соответствия.

Однако в XX в. теория корреспонденции столкнулась с серьезными трудностями, что привело к отказу от нее ряда ученых и философов. Одна из трудностей связана с характером объекта изучения в квантовой механике; этот объект не является натуральным, а существует только в условиях экспериментальной установки, например поток элементарных частиц. И возникает сложная проблема: можно ли к окружающей реальности отнести знания, полученные в экспери-

менте? Напрашивался вывод, что эти знания можно отнести к сконструированной, но не объективной реальности, а выявление соответствия с объективной реальностью не имеет смысла. Вывод правдоподобен, но не адекватен. В неклассической физике проблема познания усложняется: необходимо, во-первых, соотнесение знания с эмпирическим (лабораторным) объектом и, во-вторых, его соотнесение с дисциплинарной онтологией, т. е. с физической картиной мира. Процедура «вписывания» знания об эмпирическом объекте в дисциплинарную онтологию является весьма сложной.

Наиболее уязвимой теория корреспонденции оказалась в ситуации, когда квантовая механика, космологические теории, теории происхождения жизни и др. столкнулись с невозможностью установления соответствия знания предмету, отсутствием прямых эмпирических подтверждений выдвигаемых гипотез. *Однако их отсутствие свидетельствует не о том, что теория соответствия неверна, а о том, что эмпирические подтверждения еще не найдены.* Все ученые настойчиво ищут эти подтверждения (или опровержения) и рано или поздно их находят. Приведем известный пример из истории науки. В первой половине XIX в. существовали гипотезы о химическом составе Солнца. Но как верифицировать эти гипотезы, никто не мог даже вообразить с учетом расстояния до Солнца 150 млн км и его огромной температуры. О. Конт назвал химический состав Солнца и звезд непознанным и навеки непознаваемым фактом. Казалось бы, утверждение Конта неопровержимо. Но в 1859 г. Г. Кирхгор и Р. Бундзен изобрели спектральный анализ, с помощью которого был определен химический состав Солнца. На Солнце в 1868 г. в том числе был обнаружен гелий, тогда как на Земле его нашли лишь в 1895 г. [14]. Невозможно предсказать научные и технические открытия, ибо они бы перестали быть открытиями. Можно экстраполировать лишь имеющиеся тенденции. Поэтому никаких границ в постижении мира, в том числе эмпирической верификации гипотез, установить нельзя, поскольку неизвестно, что могут дать наука и техника в будущем.

Покажем далее возможное соотношение корреспондентской теории с другими учениями. В концепции когеренции, как известно, под истиной понимается такое знание, которое согласовано с другим знанием. Быть истиной означает служить элементом непротиворечивой системы знаний. Таким образом, концепция когеренции *абстрагируется от предмета истины* и поэтому сущность истины не раскрывает. Она описывает такие свойства истины: логическую непротиворечивость, системность, целостность. Благодаря указанным трем качествам истины функционирует логический критерий истинности — возможность доказательства адекватности определенных положений без эмпирической проверки. Поэтому концепция когерентности не

альтернативна, как иногда считают, а дополнительна к теории корреспонденции и способна существенно обогатить последнюю.

Аналогично этому эмпиристская концепция Ф. Бэкона тоже не раскрывает сущность истины, а утверждает, что эмпирическое (опытное) подтверждение — критерий истины. Конвенционалистская и близкая к ней консенсуалистская концепция описывают условия принятия научным сообществом знания как истинного. Как известно, нет окончательного ни эмпирического, ни теоретического подтверждения истинности гипотез. Эти учения могут показать, при каких обстоятельствах прерывается регресс в бесконечность при обосновании теории и она признается истинной. Так, достижение консенсуса в ходе когнитивных переговоров ученых в отношении признания истинности гелиоцентрической модели Солнечной системы потребовалось около 200 лет, неевклидовой геометрии — около 50 лет, квантовой механики — около 25 лет, частной теории относительности — около 15 лет [11, с. 17].

В прагматистской концепции сущность истины приравнивается к ее критерию, который притом толкуется неверно (польза в делах). Но при правильной трактовке из этой концепции можно извлечь рациональное зерно об условиях использования научного знания во благо, а не во зло людям. Инструменталистская концепция может раскрывать условия применения истинных знаний для эффективной теоретической и практической деятельности. Психологистская и интуитивистская концепции могли бы раскрыть роль субъективных факторов — интуиции, веры, воли — в порождении научной истины. Но в любом случае сущность истины — соответствие знания своему предмету. Таким образом, имеется перспектива синтеза на базе корреспондентской концепции рациональных моментов других учений и создания универсальной теории.

Перейдем теперь к проблеме критерия истины. Рационалисты Г. Лейбниц, Б. Спиноза, Р. Декарт таким критерием считали отсутствие сомнения, очевидность, отчетливость и ясность мысли. Конечно, отчетливость и ясность — положительные качества в мышлении (по сравнению с запутанностью и туманностью), но критерием истины их считать нельзя. Некоторые из заблуждений могут быть несомненными, отчетливыми и ясными, например впечатление о движении Солнца вокруг Земли.

Представители прагматизма в качестве критерия истины полагают пользу. По их мнению, то знание истинно, которое приносит пользу человеку, служит основой его успеха в общественной деятельности, карьере, бизнесе. Действительно, адекватное знание может принести и приносит людям пользу, но и обман кому-то может быть полезным, даже более полезным, чем сама истина. Поэтому, кстати, он существует и неудержимо распространяется.

Представители конвенционализма и консенсуализма в качестве критерия истины полагали соглашение ученых: истина — такое знание, которое ученые согласились считать истинным. Но история науки показывает, что критерием истинности соглашение ученых не является. Наблюдались ситуации, в которых большинство ученых признавало неистинной верную идею и, наоборот, ошибочную идею принимало за истинную. Не служит соглашению и причиной истинности. Ею является соответствие знания своему предмету. И если ученые в ходе когнитивных переговоров убеждаются, опираясь на доказательства, а частично на веру и интуицию, что такое соответствие имеет место, то в этом случае возникает консенсус по поводу того, что данное знание истинно. Таким образом, соглашение — следствие доказательства истинности этих положений.

Аналогичный конвенционалистскому показатель истинности знания признавали А. Богданов и другие сторонники теории общезначимости: истинным является знание, которое отвечает мнению большинства. Однако критерием истины общезначимость, как и научный консенсус, не является, это одно из возможных следствий истинности знания. Еще Р. Декарт справедливо отмечал, что большинством голосов вопрос об истине не решается.

Представители тех областей духовной сферы, которые отличаются значительными элементами догматизма, под критерием истины нередко понимают мнение авторитета. Это относится к религии и политической идеологии недемократических режимов. Истинными здесь признаются положения, которые согласуются с высказываниями лидеров, выдержками из политических документов, религиозными текстами. В этих случаях лидерам неофициально (а иногда и официально) приписывается непогрешимость, например папе римскому.

Обычно авторитет бывает присущ людям компетентным, способным и благородным. Учет мнений авторитетных людей особенно важен для молодых. Но и носителю авторитета, как и любому человеку, свойственно ошибаться. Даже говорят иногда, что у великих людей бывают и великие заблуждения. Например, Г. Гегель разработал диалектику, но признал, что социальное и духовное развитие завершилось.

Итак, ни ясности и отчетливости мысли, отсутствию сомнения в ее правильности, ни пользе, ни соглашению ученых, ни мнению большинства людей, ни свидетельству авторитета нельзя приписать качество критерия истины. На основе анализа развития научного знания, истории развития познания вообще можно заключить, что ведущий критерий истины — эмпирическое (опытное) подтверждение, которому подвергаются гипотезы и теории.

Опыт включает в себя наблюдение и практику (деятельность по изменению бытия, его преобразованию), в том числе научную

практику — эксперимент. Основоположником учения об опыте как критерии истины, по-видимому, следует считать Бэкона, который, в частности, писал: «Самое лучшее из всех доказательств есть опыт, если только он коренится в эксперименте» [15, с. 35]. В дальнейшем это учение в разных аспектах разрабатывали Д. Локк, Л. Фейербах, К. Маркс, Ф. Энгельс, философы-неопозитивисты и большинство отечественных философов XX в.

Эмпирическое подтверждение имеет несколько форм, но базовый его элемент — наблюдение. Не отдельное, единичное наблюдение, а статистически достоверное: в нем снято воздействие случайных, непредвиденных факторов, исключаются ошибки чувственного восприятия, погрешности приборов. Как базовый компонент критерия истины наблюдение бывает двух видов.

Первый представлен чистым наблюдением, которое осуществляется без вмешательства в естественные процессы. Пример такого случая — подтверждение предположения У. Лверье о наличии неизвестной планеты телескопическим наблюдением И. Галле, обнаружившим ее всего в пятидесяти двух минутах от предвычисленного места. Планета была названа Нептуном. Второй вид — наблюдение, входящее в состав практики, представленной деятельностью по изменению бытия.

Каждый вид познания характеризуется собственными видами подтверждения как критерия истинности знания. В естественных науках подтверждение представлено проверочными экспериментами (специфическим видом), промышленностью, техникой, сельским хозяйством (общими видами), в медицине — клинической практикой и частично экспериментами, в философии — всей совокупной человеческой практикой.

Для понимания способа эмпирического подтверждения как критерия истины необходимо рассматривать цельный познавательный цикл, который представлен проблемой, гипотезой и теорией. Начинается научное познание постановкой проблемы, включающей в себя ряд вопросов о предмете познания на базе уже достигнутого знания. Усилия по решению проблемы порождают гипотезу — систему предположений, выдвинутых на основе имеющихся теоретических знаний и фактов. Гипотеза должна быть непротиворечивой, доступной эмпирической проверке, обладать предсказательными возможностями. Она должна не только объяснять те факты, которые использовались при постановке проблемы и выдвижении гипотезы, но и обязательно предсказывать новые факты.

Гипотеза имеет не достоверный, а вероятностный характер, она требует обоснования, проверки. С помощью умозаключений из гипотезы получают следствия — возможные факты, ожидаемые результаты. В последующем эти ожидаемые результаты сравнивают с данными

ми опытной проверки, проведенной на базе данной гипотезы. В случае совпадения ожидаемых и практических результатов в ходе множества испытаний проверяемая гипотеза может быть принята в качестве истинной и приобрести статус научной теории или стать ее фрагментом. Итак, опытная проверка, выступая как критерий истины, преобразует гипотезу в теорию. Последняя есть наиболее развитая форма знания, характеризующаяся целостным отображением существенных связей изучаемого предмета.

Если эмпирические и ожидаемые результаты находятся в резком противоречии, то гипотеза признается ошибочной и в последующем заменяется на другую. Но чаще эмпирической проверкой гипотеза в чем-то подтверждается, а в чем-то нет. В этом случае гипотеза видоизменяется, модифицируется и снова проверяется. В ходе проверок следует учитывать все наличные результаты опыта, а не только отдельные факты.

Использование ограниченной или устаревшей практики может послужить причиной заблуждения. Если выдвигается несколько гипотез, то более достоверной считается та из них, которая предсказала больше фактов, обнаруженных в реальности. Эмпирическая проверка корректирует гипотезу до тех пор, пока она не даст удовлетворительного объяснения всей совокупности имеющихся фактов. Доказательство истинности гипотетического знания в целом происходит в виде логически последовательной цепи рассуждений, а отдельные звенья ее (но не все, что невозможно) проверяются эмпирически.

Авторы, отрицающие необходимость понятия истины, используют известное кантовское положение о том, что человек знает только свои восприятия и не знает, каковы предметы вне восприятия, сами по себе. Они полагают, что критерий истины отсутствует, поскольку невозможно сопоставить предмет и знание о нем. Д. Юм считал, что поэтому нельзя полагать, что объекты вообще существуют, может быть, их совсем нет. Однако этот аргумент не является опровержением концепции соответствия знания предмету. И. Кант, Д. Юм и многие другие скептики и агностики правильно отмечали, что людям даны не сами предметы, а ощущения и восприятия. Они правы и в том, что человек не может свое знание прямо, т. е. непосредственно, сопоставлять с предметом.

Однако скептики не принимали во внимание то, что человек имеет для этого сопоставления косвенный, опосредованный опытом способ, который представляет собой сравнение двух образов [16]. Субъект изучает объект и формирует знание о нем. Еще неизвестно, является ли оно истинным. Далее субъект оперирует полученным знанием по законам логики. Это приводит к созданию модели (образа) предполагаемых, ожидаемых явлений, т. е. представления о них.

Затем либо с помощью эксперимента, направленного на воспроизведение ожидаемых явлений, либо с помощью наблюдения за естественным течением событий — в случае невозможности или ненужности эксперимента — субъект сравнивает свою ментальную модель ожидаемых явлений с восприятием реальных явлений. И если происходит их совпадение, то субъект считает знание, из которого выведены ожидаемые и подтвержденные следствия, истинным, т. е. соответствующим предмету.

Так, Д.И. Менделеев при изучении свойств химических элементов открыл периодический закон. На его основе Менделеев предсказал, что существуют еще три неизвестных элемента. Он также описал свойства этих элементов. Предсказание Менделеева полностью оправдалось: эти элементы были обнаружены и названы скандием, германием и галлием. Чем же объясняется совпадение ментальной модели предсказываемых явлений с образом воспринимаемых явлений? Только тем, что Менделеев обладал знаниями, которые соответствовали реальности. А поскольку знания истинны, то и предметы этих знаний существуют.

Итак, совпадение ожидаемых результатов, умственно моделируемых, с результатами эмпирической проверки служит подтверждением как истинности знания, так и объективного существования внешнего мира. Для обеспечения достоверности ученые проводят, конечно, не единственную, а много проверок. Развитие научного знания — это непрерывный ряд гипотез и их проверок. В результате этого гносеологически знание все больше приближается к предмету.

Относительно чувственных восприятий, которые представляют собой единственный непосредственный канал связи сознания человека с внешним миром и обязательно участвуют в эмпирической проверке знаний, можно отметить следующее: адекватность (информативный, образный характер) восприятий подтверждает факт успешной ориентировки субъекта в среде [17]. Если бы восприятия не были адекватными, то человеку пришлось бы наткнуться на предметы, попадать под машину, падать в ямы, съедать несвежие продукты, обжигаться о горячие объекты и т. п. При некоторых условиях восприятия становятся неадекватными — в виде иллюзий и галлюцинаций. Это тоже известно из практики психиатрии, когда наблюдается нарушение ориентации человека.

Таким образом, эмпирическая проверка, представляющая собой ведущий критерий истины и состоящая в сравнении моделей ожидаемых явлений с образами воспринимаемых явлений, является косвенным способом сопоставления знания с действительностью. И другим способом человечество не обладает, таковой является природа его познавательного процесса. Выдающиеся научные открытия и вся история науки демонстрируют, что отмеченное обстоятельство нель-

зя рассматривать как непреодолимое препятствие для развития науки. Ученые не обращают внимания на положение агностиков о принципиальной невозможности сравнения образа и предмета. Они используют отмеченный выше косвенный метод сравнения двух образов и делают одно за другим свои триумфальные открытия.

В определенной мере трудности при обосновании истинности знания преодолеваются благодаря существованию иных ее критериев. И один из таких критериев — логическая доказуемость. При его применении к эмпирической проверке непосредственно не прибегают, используя уже ранее удостоверенное знание. Например, ученый проводит экспертизу проекта некоего технического устройства, разработанного инженером. При этом на основе физических данных и логичных рассуждений ученый делает достоверное заключение о возможности функционирования данного устройства. Однако в последующем с целью исключить воздействие непредвиденных факторов принятый проект испытывают на опытном образце. И если испытание успешно, то начинается массовое производство. Итак, логический критерий произведен от опытного в следующих случаях:

1) логическое доказательство основано на положениях, которые ранее были подтверждены эмпирически;

2) полученный логическим способом результат вновь проверяется опытным способом.

Некоторую роль играет еще такой критерий истинности, как эвристичность — результативность использования данного знания в последующем познавательном процессе. Знание может быть признано адекватным, если это знание дает возможность продуктивно решать новые когнитивные задачи. Для такого знания характерен опережающий теоретический рост по сравнению с увеличением опытных данных. Указанный критерий отсеивает тривиальные идеи, которые не обеспечивают прирост информации. К таким идеям относятся, например, идея энтелехии («непознаваемой жизненной силы») в медицине и биологии, идея Мирового разума («Абсолютного начала Вселенной») в космологии. Эти идеи дают псевдообъяснения и не обеспечивают никакого прироста знаний.

Если эмпирическая проверка либо невозможна, либо пока недостаточна, например в математике, геологии, палеонтологии, космологии, то кроме логического критерия могут быть использованы в качестве критериев субъективные представления — *простота* и *красота*. Они представляют собой средство выявления предпочтительности в ходе выбора конкурирующих гипотез. Простота обеспечивает объяснение изучаемого предмета наименьшим количеством положений. Какая из предложенных гипотез является наиболее простой? Та, которая для объяснений новых эмпирических данных не использует новые непроверенные допущения и уловки.

Красота является эстетическим критерием. Она характеризует знание в аспекте субъективной удовлетворенности исследователя, зависящей от совершенства, гармонии гипотезы. По-видимому, данный критерий обладает некоторой эффективностью в силу того, что окружающий мир красив сам по себе. В результате этого и картина мира, которую дают науки, тоже должна обладать красотой. Ученый осуществляет интуитивную оценку различных гипотез. Более гармоничная, стройная, изящная из них признается и более истинной. Последним двум критериям не присуща высокая надежность по сравнению с эмпирической проверкой, служащей наиболее надежным и определяющим критерием истины.

В заключение можно отметить, что существует принципиальная возможность синтеза адекватных моментов имеющихся концепций истины и создания ее общей теории. Ядром такой объединенной теории может стать концепция корреспонденции, поскольку она фиксирует характер гносеологической связи между субъектом и объектом. А познавательный процесс протекает в системе субъект — объект, даже если объект человекоразмерный и субъект как элемент входит в объект. Соответствие знания субъекта объекту как истинное и фиксирует концепция корреспонденции. Верификация этого соответствия осуществляется эмпирическим подтверждением, которое служит косвенным способом сравнения знания с реальностью посредством сравнения двух образов — ожидаемых явлений и реальных. Таким образом, любой ученый явно или неявно использует концепцию корреспонденции.

Неявное использование концепции корреспонденции мы видим при квалификации всех научных кадров во всех странах на протяжении веков. В любой диссертации имеется определение предмета исследования и положений, выносимых на защиту. Задача соискателя — показать соответствие его положений предмету. А это и есть истинность по концепции корреспонденции. Отмеченные в начале статьи авторы, отрицающие необходимость или даже наличие истины, сами получили ученую степень благодаря тому, что сумели показать соответствие своих новых положений предмету исследования.

Наибольший результат, по-видимому, может дать синтез концепций корреспонденции и когеренции. Первая из них выявляет сущность истинного знания, а вторая раскрывает его структуру и системность. Другие концепции истины также содержат адекватные моменты, и задача дальнейших исследований заключается в их экспликации и объединении.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Царегородцев Г.И., Шингаров Г.Х., Губанов Н.И. *Философия*. Москва, Изд-во Современного гуманитарного университета, 2012, 452 с.

- [2] Рейхенбах Г. *Философия пространства и времени*. Москва, Прогресс, 1985, 344 с.
- [3] Павлов А.В. *Логика и методология науки*. Москва, Флинта, Наука, 2010, 344 с.
- [4] Пивоев В.М. Социальные и гуманитарные науки: специфика и соотношение. *Вестник Ишимского госпединститута им. П.П. Ершова*, 2013, № 3, с. 91–101.
- [5] Губанов Н.И. Нищета философии постмодернизма. *Философия и общество*, 2007, № 1, с. 54–68.
- [6] Маркова Л.А., Никифоров А.Л., Огурцов А.П., Моркина Ю.С. Панельная дискуссия. *Эпистемология & Философия науки*, 2009, т. XXII, № 4, с. 48–77.
- [7] Гусев Д.А. Религия, атеизм и наука: интерпретации взаимодействия и эвристических возможностей (в историко-философском и общетеоретическом аспектах). *Вопросы философии*, 2018, № 8, с. 65–76.
- [8] Селиванов Ф.А. *Благо, истина, связь*. Тюмень, Изд-во Тюменской государственной академии искусства и культуры, 2008, 260 с.
- [9] Левин Г.Д. *Истина и рациональность*. Москва, Канон +, 2011, 224 с.
- [10] Лебедев С.А. Научная истина: консенсуально-экспертный характер. *Гуманитарный вестник*, 2019, вып. 3. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2019-3-601>
- [11] Лебедев С.А. Научная истина и ее критерии. *Новое в психолого-педагогических исследованиях*, 2012, № 4, с. 7–22.
- [12] Декарт Р. Рассуждение о методе. *Сочинения. В 2 т. Т. 1*. Москва, Мысль, 1989, 654 с.
- [13] Ильин В.В. *Теория познания. Введение. Общие проблемы*. Москва, Изд-во МГУ, 1993, 168 с.
- [14] Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Наука в системе культуры. *Гуманитарный вестник*, 2017, вып. 1. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-1>
- [15] Бэкон Ф. Новый Органон. *Сочинения. В 2 т. Т. 2*. Москва, Мысль, 1972, 582 с.
- [16] Губанов Н.И., Губанов Н.Н., Волков А.Э. Истина и ее критерии. *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*, 2014, № 10, с. 84–92.
- [17] Царегородцев Г.И., Губанов Н.И. Принципиальные основания существования адекватного и знакового отражения на чувственной ступени познания. *Вестник Академии медицинских наук СССР*, 1978, № 4, с. 64–70.

Статья поступила в редакцию 27.02.2020

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Губанов Н.Н., Губанов Н.И., Черемных Л.Г., Шорикова Е.С. Перспективы разработки синтетической концепции истины. *Гуманитарный вестник*, 2020, вып. 1. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2020-1-645>

Губанов Николай Николаевич — д-р филос. наук, профессор кафедры «Философия» МГТУ им. Н. Э. Баумана. e-mail: gubanovnn@mail.ru

Губанов Николай Иванович — д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия и история» Тюменского государственного медицинского университета. e-mail: gubanov48@mail.ru

Черемных Лариса Георгиевна — канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия и история» Тюменского государственного медицинского университета.
e-mail: evalex595@yandex.ru

Шорикова Екатерина Сергеевна — старший преподаватель кафедры «Философия и история» Тюменского государственного медицинского университета.
e-mail: e_shorikova@mail.ru

Prospects for developing a synthetic concept of the truth

© N.N. Gubanov¹, N.I. Gubanov², L.G. Cheremnykh², E.S. Shorikova²

¹ Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

² Tyumen State Medical University, Tyumen, 625023, Russia

The paper considers the correspondent, coherent, conventionalist, pragmatist, instrumentalist, consensual, intuitionistic, empiricist, and psychological concepts of truth. The purpose of the article is to justify the hypothesis about the possibility of synthesizing the rational features of the mentioned concepts and creating a universal (general) theory of the truth. The core of the general theory of the truth may be the concept of correspondence, since only it reveals the essence of the truth as knowledge corresponding to reality. Other concepts reflect various characteristics of true knowledge, the conditions for its achievement, justification, acceptance by the scientific community, functioning, and use with varying degrees of adequacy, and in some cases they identify the essence of truth with its criterion. There are 5 criteria of truth: empirical confirmation based on statistically reliable observation (the main criterion), logical provability, heuristicity of hypotheses, simplicity, and beauty. The article uses the methodology of epistemological (constructive) realism, based on the recognition of the fundamental cognoscibility of any entities.

Keywords: truth, paradoxical self-reference, concepts of truth, universal concept of truth, criteria of the truth, empirical confirmation

REFERENCES

- [1] Tsaregorodtsev G.I., Shingarov G.Kh, Gubanov N.I. *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow, Sovremennyy gumanitarnyy Universitet Publ., 2012, 452 p.
- [2] Reichenbach H. *The Philosophy of Space and Time*. New York, Dover Publications Inc. Publ., 1958 [In Russ.: Reichenbach H. *Filosofiya prostranstva i vremeni*. Moscow, Progress Publ., 1985, 344 p.].
- [3] Pavlov A.V. *Logika i metodologiya nauki* [Logic and methodology of science]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010, 344p.
- [4] Pivoev V.M. *Vestnik Ishimskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta — Bulletin of the Ishim State Pedagogical Institute Named after P.P. Ershov*, 2013, no. 3, pp. 91–101.
- [5] Gubanov N.I. *Filosofiya i obshchestvo — Philosophy and society*, 2007, no. 1, pp. 54–68.
- [6] Markova L.A., Nikiforov A.L., Ogurtsov A.P., Morkina Yu.S. *Epistemologiya & Filosofiya nauki — Epistemology & Philosophy of Science*, 2009, vol. XXII, no. 4, pp. 48–77.
- [7] Gusev D.A. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*, 2018, no. 8, pp. 65–76.
- [8] Selivanov F.A. *Blago, istina, svyaz* [Blessing, truth, relation]. Tyumen, Tyumenskaya gosudarstvennaya akademiya iskusstva i kulturey Publ., 2008, 260 p.
- [9] Levin G.D. *Istina i racionalnost* [Truth and rationality]. Moscow, Canon + Publ., 2011, 224 p.
- [10] Lebedev S.A. *Gumanitarnyy vestnik — Humanities Bulletin of BMSTU*, 2019, no. 3 (77), p. 3. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2019-3-601>
- [11] Lebedev S.A. *Novoe v psichologo-pedagogicheskikh issledovaniyah* [Innovation in psychological and pedagogical research]. 2012, no. 4, pp. 7–22.
- [12] Descartes R. *Discours de la methode pour bien conduire sa raison, et chercher la verite dans les sciences*. Leyde, de l'Imprimerie de Ian Maire Publ., 1637 [In

- Russ.: Descartes R. *Rassuzhdenie o metode*. V 2 tomakh. Tom 1. Moscow, Mysl Publ., 1989, 654 p.].
- [13] Ilyin V.V. *Teoriya poznaniya. Vvedenie. Obshchie problemy* [Epistemology. Introduction. General problems]. Moscow, Moscow State University Publ., 1993, 168 p.
- [14] Gubanov N.N., Gubanov N.I. *Gumanitarnyy vestnik — Humanities Bulletin of BMSTU*, 2017, no. 1 (51), p. 1. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-1>
- [15] Bacon F. *Novum organum. Instauratio magna*. London, John Bill Publ., 1620. [In Russ.: Bacon F. *Novyy Organon. Sochineniya*. V 2 tomakh. Tom 2. Moscow, Mysl Publ., 1972, 582 p.].
- [16] Gubanov N.I., Gubanov N.N., Volkov A.E. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates — Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 2014, no. 10, pp. 84–92.
- [17] Tsaregorodtsev G.I., Gubanov N.I. *Vestnik Akademii medicinskih nauk SSSR (Bulletin of the Academy of Medical Sciences USSR)*, 1978, no. 4, pp. 64–70.

Gubanov N.N., Dr. Sc. (Philos.), Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: gubanovnn@mail.ru

Gubanov N.I., Dr. Sc. (Philos.), Professor, Head of the Department of Philosophy and History, Tyumen State Medical University. e-mail: gubanov48@mail.ru

Cheremnykh L.G., Cand. Sc. (Philos.), Assoc. Professor, Department of Philosophy and History, Tyumen State Medical University. e-mail: evalex595@yandex.ru

Shorikova E.S., senior lecturer, Department of Philosophy and History, Tyumen State Medical University. e-mail: e_shorikova@mail.ru